

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Хлебниковой Ольги Владимировны
"Самоопределение философии в качестве литературы
(на материале западной философской традиции)",
представленную на соискание ученой степени доктора философских наук
по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания
(философские науки)

Каждая историческая эпоха формирует свой образ философии. Как создается этот образ – из каких констант и определений – тема отдельного разговора, выходящего за границы настоящей задачи. Но несомненно одно – с самого возникновения философии вопрос о ее самоопределении – что она есть такое, в чем заключается ее существо и работа – является одним из центральных и "требуется системного и целостного осмысления", в чем мы полностью согласны с диссертантом (с. 4).

Было бы нелепо отрицать тот факт, что современный образ философии в известной мере сложился и продолжает оформляться под воздействием идей постмодернизма. Свидетельством данного обстоятельства является и заимствование, и активное внедрение в философские тексты постмодернистской тематики и терминологии, а также стиля рассуждений, и перенесение акцентов с традиционной онтологической и эпистемологической проблематики на текстологическую сферу, и радикальное переосмысление назначения философии и ее роли в обществе и др. В нашу задачу не входит анализ и оценка как в целом феномена постмодернизма, так и отдельных его регионов. Существует обширная литература, посвященная исследованию этого культурно-исторического явления. Мы должны отметить следующее: сама постановка проблемы самоопределения философии как разновидности литературной традиции, хотя и имеет глубокие корни, уходящие в античность, в качестве интеллектуальной установки концептуально оформляется именно в постмодернизме. А именно, дискурсивно-выводная модель философствования, характерная для классической философии и частично философии модерна, заменяется новой моделью, квалифицирующей философию как разновидность литературы и уподобляющей ее (философию) практикам художественного творчества, образного и метафорического мышления и даже коллажа. Это – факт, с которым нельзя не считаться.

В целом, ничего сверхнеобычного в формулировке проблемы самоопределения философии как литературы нет. Для нас в данном случае важно следующее: насколько грамотно, обоснованно, логически связно

диссертант решает те задачи, которые вынесены в исследовании, и как они согласуются с заявленной методологией. Опираясь на определение диссертанта "своего" метода, который заключается в глобальном отборе тематических ссылок (с. 251), мы должны заметить, что кроме указанных в соответствующем разделе методологических оснований (герменевтика, семиотика, феноменология), диссертант, согласно введенному критерию, ориентируется также и на постмодернистские тексты. Однако, сразу следует сказать, что контекст исследования диссертации О.В. Хлебниковой выходит далеко за границы вышеуказанных источников.

Первая глава диссертации посвящена анализу генезиса представлений западной интеллектуальной культуры о философии как особой разновидности письменной литературной практики и выяснению тех культурно-исторических сдвигов, которые сделали возможным появление философской литературной традиции. Диссертант вполне убедительно показывает, что накопление технологических изменений в формах хранения и передачи информации и отношений между устной речью и письмом повлекли за собой трансформацию всего пространства человеческой мысли, в результате чего постепенно все отрасли и области знания, в том числе, и философия, стали приобретать вид литературных практик (параграф 1.1). Эвристически значимым моментом данного раздела является анализ основополагающих форм философского письма, т.е. жанров и стилистических характеристик философской литературы, опирающийся на богатейшее наследие классической и постклассической философии. В результате диссертант вполне обоснованно заключает о формировании в рамках существующей философской традиции устойчивого контекста рассмотрения философии как особой разновидности литературы (п. 1. научной новизны). В целом принимая характеристику философского литературного стиля и собственно философской "грамматики", данной диссертантом параграфах 1.2 и 1.3, мы не согласны с двумя пунктами этой характеристики в поле современной культуры. Первое: согласно диссертанту, письменное философствование – это интеллектуальная игра, заключающаяся "в определенном *искусстве* манипулирования цитатами, интеллектуальными конструкциями, понятиями, соответствующими риторическими фигурами и т. п." (с. 111). Ссылаясь на Ж. Делеза и Ф. Гваттари, диссертант умозаключает, "следовательно, существо философии состоит в том, чтобы «творить все новые концепты»" (там же). Но одно противоречит другому: либо имеет место манипулирование цитатами, либо создание новых концептов и смыслов. На наш взгляд, это два принципиально разных уровня работы философской мысли, имеющие разные результаты. Второе: а)

философское знание является, прежде всего, сложной системой упорядоченных групп высказываний, б) философское знание сейчас все в большей степени воспринимается как сфера применения принципа деконструкции. А именно: всякий эксплицированный смысл является продуктом аналитики лишенных инвариантного содержания означающих (с. 111, 134). Возражения по этим пунктам: а) тот факт, что с текстологической и логической стороны философское знание является сложной системой упорядоченных групп высказываний, нисколько не проясняет специфику философской мысли, б) семиотическая парадигма позволяет интерпретировать смысл как эмпирически фиксируемый акт смещения значений, однако, следует иметь в виду, что работа философской мысли к этому не сводится.

Выводы диссертанта по другим пунктам рассматриваемой проблематики этого раздела являются в должной мере убедительными и достаточными для обоснования п.п. 2,3 научной новизны и положений, выносимых на защиту.

Вторая глава диссертации "Философский текст", на наш взгляд, несет основную концептуальную нагрузку, поскольку именно здесь определяется собственно специфика философских текстов как "места", в котором возникают и превращаются соответствующие смыслы (с. 136). Диссертант подхватывает мысль, высказанную Ю. Кристевой о том, что текст не просто репрезентирует реальную действительность, но и вызывает эффект смещения и тем самым участвует в движении и преобразовании реальности (с. 139), также идею М. Фуко о том, что текст позволяет прочесть перспективу дискурса (там же). Эти положения, в принципе, не вызывают возражений. Также нужно признать, что метафора Р. Барта "похищение естественного языка" конструктивно используется диссертантом для того, чтобы показать специфический процесс философской саморефлексии, заключающейся в "демонстрации существования точки разрыва и отношений нонсенса между феноменами значения и смысла как таковыми" (с. 141). Итогом предварительного рассмотрения понятия "философский текст" в перспективе семиотики, понимаемой в самом широком смысле слова как учение о законах порождения смысла вообще (2.1.1), является утверждение диссертанта: "письменная философия, как она есть по себе, является особым дискурсом, предназначенным для обоснования самой идеи отсутствия непосредственной логической связи между значением и смыслом" (с.144).

Параграфы 2.1.1 и 2.1.2 представляют собой систематическое развертывание и теоретическое обоснование данного тезиса посредством анализа и демонстрации различных вариантов парадоксов взаимосвязи

значения и смысла в философских текстах (онтологический, гносеологический и антропологический). Лаконичный стиль этого анализа позволяет в конспективном виде выразить существенные особенности указанных регионов построения смысла и их разновидностей. Выделение этих разновидностей: в онтологии – конструкты наличия, присутствия и следа, в гносеологии – метафизика, феноменология, психоаналитика значения, в антропологии – математика, экология и история восприятия, хотя и содержит некоторые спорные моменты (например, интерпретация философии Парменида как разновидности концепта присутствия, а не наличия и др.), тем не менее, является вполне обоснованным, эвристически значимым и демонстрирующим несомненную оригинальность позиции диссертанта. Сформулированные принципы и базовые характеристики смыслообразования философских текстов опираются на обширнейшую литературу по классической и современной философии, последовательно реализуют исследовательский проект семиотического анализа текстологии западной философии, что в полной мере соответствует п. 4 научной новизны.

В данном разделе, тем не менее, вызывает возражение следующее высказывание диссертанта: "онтологией называют... такой образ философского действия, при котором разного рода значениями манипулируют до тех пор, пока чуждость вещей как феномен не окажется сконструированной..."(с. 146). На наш взгляд, рождение, то есть конституирование смыслов все-таки не уподобляется игре в бисер, то есть манипуляции. В рамках семиотической парадигмы возможна интерпретация смыслов исключительно как смещение значений, т.е. как манипуляция ими, но думается, что такая интерпретация аттестует процесс смыслопорождения лишь с формальной стороны. Конечно, смыслы ищут подходящие для адекватного выражения значения и не всегда их находят, и тогда вырабатываются, порой мучительно, новые.

Что касается рассмотрения гносеологии в перспективе семиотики, то можно согласиться с диссертантом в интерпретации ее как общей теории присвоения значений (с. 154). Такая формулировка не противоречит заявленной семиотической парадигме. Однако в ходе ее развертывания диссертант высказывает утверждения, вызывающие некоторые вопросы. Например, к гносеологии как феноменологической теории значения диссертант относит концепцию И. Канта (с. 156). Но не понятно, как гносеология Канта согласуется с интерпретацией значения как языковой игры (с. 156, 158). Попытка систематизировать различные подходы по группам в решении тех или иных вопросов в рамках семиотической парадигмы, на наш взгляд, стоит труда, но не

всегда оправдана. В частности, в одну группу попадают настолько разные мыслители, что общее, что их объединяет, кажется искусственным.

Что касается рассмотрения антропологии в семиотической перспективе, то несколько необычно диссертант квалифицирует ее как попытку говорить о формальных аксиомах восприятия (с. 161). Интересным и оригинальным моментом построения рассуждений диссертанта можно было бы назвать "аксиоматический метод", который распространяется на исследование смыслопорождения в регионе антропологии. Однако следует заметить, что та ситуация, которую диссертант обозначает как экология восприятия, значительно выходит за границу обозначаемого. Речь идет о человеческой ситуации вообще, а не о теоремах восприятия, даже слишком расширительно понятого.

Раздел 2.2 в общем-то возражений концептуального плана не вызывает. Тем более, что диссертант имеет право придерживаться той, а не другой философской позиции, в частности, руководствоваться универсальной моделью Р. Барта, предложившего топику из пяти семиотических кодов (с. 185). Можно, конечно, трактовать прочтение философского текста через такие понятия, как интеллектуальная игра, онтологическая загадка, концептуальные персонажи и проч. элементы игровой техники, но так ли необходимо?

В главе 3 "Автор философского текста" диссертант разрабатывает оригинальную концепцию темпоральности внутритекстового мира в двух главных формах времени – времени как протяженности, и времени как напряженном включении. Следует сказать, что проблематика времени, одна из самых глубоких и, пожалуй, загадочных в философии, до сих пор остается чрезвычайно актуальной. О.В. Хлебникова предлагает концепцию времени в соответствии с разворачиваемой семиотической парадигмой, не совпадающей ни с классическими метафизическими представлениями о времени, ни с феноменологическими (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти и др.), ни с экзистенциалистскими (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр) трактовками времени. Перед нами разворачиваются стратегии интеллектуального и жизненного поведения, время философского становления, необходимое для подлинной, фактической актуализации феномена философской субъектности (с. 233), что вполне соответствует п. 5 научной новизны.

В параграфах 3.2 и 3.3 рассматривается проблема самоопределения философа в качестве автора. В параграфе 3.2, посвященном методу построения философского текста диссертант, как нам кажется, намеренно утрирует сложность проблемы выработки методологий исследования. Согласно О.В. Хлебниковой, именно пространство ссылок задает те

направления, по которым "сгущается" дискурс о методе (с. 237). И в соответствии с этой установкой, две основные разновидности текстов – тексты, касающиеся непосредственно разработки того или иного видения проблемы метода, и труды, посвященные осмыслению этих работ – интерпретируются как пространство, свободное от ссылок, и, пространство ссылок (с. 327). В данном случае производится некоторая подмена понятий: отсутствие ссылок свидетельствует о наличии оригинальной авторской методологии, а их наличие – лишь об ее осмыслении, интерпретации и т.д. Возможно, такое утрирование потребовалось автору для того, чтобы сделать вывод о том, что "проблема метода – это метафизическая проблема «выбора» образа понимания...и, в этом смысле, онтологическая проблема" (с. 241). Такое утверждение возражений не вызывает. Оригинальность авторской позиции в данном разделе проявляется в том, что проблема метода интерпретируется и как проблема литературоведческого анализа. И можно согласиться с выводами диссертанта о том, что ключевым моментом самоопределения философа как автора является выбор метода построения композиции текста – п. 6 научной новизны.

Что касается параграфа 3.3. "Действующий философ как концептуальный персонаж текста", то выделенные диссертантом фигуры действующего философа как основного концептуального персонажа философской литературы представляются интересными и заслуживающими внимание.

В целом диссертационная работа О.В. Хлебниковой "Самоопределение философии в качестве литературы (на материале западной философской традиции)" представляется глубоким, оригинальным теоретическим исследованием, отличающимся высокой степенью смысловой насыщенности и личностной напряженности. Диссертантом освоен огромный объем материала – классическое философское наследие, работы современных отечественных и зарубежных авторов, аналитическая литература и др. Ключевые выводы диссертации опираются на фундаментальные и авторитетные работы классической и неклассической философии, что служит подтверждением достоверности выводов диссертанта, в том числе заключения о том, что "рассмотрение самых различных аспектов бытования философской литературы способствует... продвижению в понимании сущности того, чем является философия в качестве феномена действительности" (с. 279).

Тем не менее, имеются замечания и вопросы, кроме тех, которые уже были сформулированы:

1. В разделе "Актуальность темы исследования" диссертант перечисляет причины, препятствующие, по его мнению, построению адекватного образа философии, как на уровне социума вообще, так и на уровне профессиональной философии (с. 3). Возникает вопрос: адекватный чему? Оригинулу? Но кто возьмет на себя смелость претендовать на исключительное знание этого оригинала и определять степень адекватности или неадекватности образа философии и критерии этой адекватности? Среди философов, как известно, единой точки зрения на существо философии не существует. На наш взгляд, формулировка проблемы нуждается в корректировке.

2. Выводы, сформулированные диссертантом в Заключение, несколько уже теоретических и практических возможностей, которые содержатся в тексте диссертации. В частности, имеется в виду вывод: "на основании проведенного исследования следовало бы заявить, что в современных условиях философия выступает, по сути, специфическим типом писательства, ориентированным на последовательное раскрытие характеристик и принципов письма и писательства как таковых" (с. 279).

3. Формальное замечание – положения, выносимые на защиту, носят слишком объемный характер. Следовало бы изложить их более конспективно.

Отмеченные замечания, тем не менее, не снижают достоинств диссертации, которая представляет собой глубокое комплексное исследование, характеризующееся высоким уровнем научной новизны, и вносящее весомый вклад в решение общеполитических и методологических проблем. Достоинством работы является также четкая формулировка проблемы, цели и задач исследования, соответствие положений, выносимых на защиту, и научной новизны. Несомненна теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации и ее основные выводы могут быть использованы при разработке онтологической и гносеологической проблематики, а также в таких областях, как философская антропология, социальная философия, философия культуры и др.

Автореферат соответствует содержанию диссертации и дает полное представление о полученных научных результатах и ключевых выводах. Содержание диссертации соответствует специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (философские науки).

Диссертация Хлебниковой Ольги Владимировны "Самоопределение философии в качестве литературы (на материале западной философской традиции)" является научно-квалификационной работой, соответствующей требованиям к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук,

